

М. Эпштейн
Университет Эмори
(Эмори, США)
russmne@emory.edu

МОРФОПОЭИЯ. СЛОВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ И ЕГО СТРУКТУРА

Морфопоэия – это поэзия морфем, слагающихся в новые слова как самостоятельные произведения, однослова [Эпштейн 2000: 204]. Само слово «морфопоэия» (по аналогии с «мифопоэия») – пример морфопоэии. Единичное слово, образованное новым сочетанием морфем, – кратчайший литературный жанр. В момент своего рождения слово обладает свойством поэтического образа, который по мере употребления стирается, автоматизируется. Как показал Потенбня, «не перевозданное только, но всякое слово с живым представлением, рассматриваемое вместе со своим значением (одним), есть эмбриональная форма поэзии» [Потенбня 1975: 429].

Морфопоэия – это **самостоятельный жанр словотворчества**, материалом которого являются морфемы, а произведением – **отдельные слова**. В русской словесности основы этого минималистского жанра заложил Велимир Хлебников, который вместе с А. Крученых подписался под тезисом, согласно которому «отныне произведение могло состоять из одного слова» (Цит. по: [Григорьев 1986: 171]). Если поэт или прозаик работают со словами, то в работе над одним словом материалом выступают его корни, приставки, суффиксы и другие форманты. Русский язык в силу своего синтетизма богат словообразовательными элементами и предоставляет широкие возможности их комбинирования.

Например, в хлебниковском слове *вещьбище* тема задается корнем «вещь», а ее интерпретация – суффиксом «бищ», который входит в состав таких слов, как «кладбище», «лежбище», «стойбище», «пастьбище», и означает место «упокоения», «умиротворения», неподвижного пребывания. Поскольку суффикс «бищ» относится к людям или животным, *вещьбище* – это образ одушевленных (как люди или животные) и одновременно обездвиженных, заснувших или умерщвленных вещей.

В докладе затрагиваются три проблемы морфопоэии.

1. Актуальное членение однослова.

Обычно слово рассматривается как номинативная, а предложение – как коммуникативная единица языка. Однако новое слово, поскольку его составные части впервые соединяются, **производится**, а не **воспроизводится** в языке – и поэтому воспринимается и, по сути, функционирует как целое предложение. Это слово, «морфопоэма», представляет собой самостоятельный акт мысли и сообщения, и его элементы могут быть соотнесены, как слова в предложении, т. е. быть подвергнуты актуальному членению. Слово как произведение

равномощно и равноструктурно целому высказыванию именно потому, что значимые единицы, морфемы, в нем соединяются так же свободно, как лексемы – в предложении. Поэтому в такой морфопоэме можно провести актуальное членение на тему и рему. В слове *вещьбище вещь* – это тема, *бище* – рема. Однако, если в контексте данного высказывания в качестве темы выступают слова с тем же суффиксом *бищ*, то ремой становится *вещь*, например, в таком микродиалоге: «Обстановка этого дома мне напоминает кладбище». – «По сути, оно и есть: вещьбище!»

2. Семантическое соотношение корневых морфем, образующих новое слово.

Хлебниковское слово *любитва*, вычлененное из глоссоляльного ряда «*любитвы* любчика с любницей», сочетает противоположные по смыслу корни «любовь» и «битва». Такое сочетание морфем напоминает об оксюморне – соединении противоположных по смыслу лексем в словосочетании, типа «белая ворона», «живой труп» или «горячий снег». Сочетание морфем-антонимов в одном слове можно по аналогии назвать «оксюморонимом»: оксюморон как отдельное слово (а не словосочетание). К числу оксюморонимов можно отнести такие слова, как *благоглупость* (Салтыков-Щедрин), *благоподлость* (подлость, совершенная с благим намерением), *глокальный* (промежуточный между глобальным и локальным); *аморт* (смертельная, убивающая любовь), *страдость* (сочетание страдания и радости), *злобр*о (насильственное добро, переходящее в зло) и др.

3. Теснота морфемного ряда.

Один из главных приемов словообразования – **контаминация**, или **скорнение**, как назвал его В. Хлебников. «Художественный прием давать понятию, заключенному в одном корне, очертания слова другого корня. Что первому дает образ второго, лик второго» (Цит. по: [Харджиев, Тренин, 1970: 100]). «Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны и через слюду обыденного смысла просвечивает второй смысл» [Хлебников 1933: 269]. При этом корень одного слова срастается с корнем другого так, что у них оказываются общие составляющие: части морфем или целые морфемы, принадлежащие обоим корням и, следовательно, наделенные двойным смыслом. Степень морфо-семантического уплотнения слова при скорнении **измерима количественно**. Например, в слове *тотальгИя* (**тотальный**+**ностальгия**; ностальгия по тоталитаризму) 9 букв, из них 5 оказываются семантически двойными благодаря своей сопринадлежности разным морфемам, что увеличивает на 5 единиц семантическую емкость слова. Доклад рассматривает количественные параметры уплотнения морфо-семантического состава слов, образованных скорнением.

Литература

Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986.

Потебня А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.

Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970.

Хлебников В. Собрание произведений. Т. V / Под ред. Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Эпштейн М. Слово как произведение. О жанре однослова // Новый мир. 2000. № 9. С. 204–215.